

— У меня было много врагов, — произнёс шлем. — Не раз они запечатывали мои воспоминания, подавляли* мой интеллект, превращая в болвана. Они думали, что таким образом смогут сбить меня с истинного пути.

— И поэтому ты хранил свои воспоминания в шлеме? — скептически поинтересовалась я.

Этот шлем даже не был особо стильным. Вообще-то, выглядел он немного тупо. Даже если бы я, пятнадцатилетний подросток, захотела что-то спроектировать, это что-то выглядело бы гораздо лучше, чем это.

— Этот шлем разрабатывался для того, чтобы защищать меня от пси-атак. Телепатия никогда не была моей сильной стороной; способности, которые у меня были, делали меня уязвимым к ней.

— То есть, этот шлем защищал тебя от того, чтобы быть взятым под контроль? — уточнила я, наконец-то заинтересовавшись.

Казалось, мои силы были предназначены для сражений любого толка. Я могла сражаться с Бугаями, с Эпицентрами, со Стрелками... но я ничего не могла сделать с Властелинами.

За технологию шлема саму по себе, если предположить, что она может быть воспроизведена, Протекторат будет готов заплатить миллионы. А уж если шлем сможет защитить от влияния Симург, то стоить он будет ещё больше.

— Ты унаследовала мои способности, — сказал шлем. — Если бы это было не так, ты не смогла бы меня понимать.

— Так значит, я еврей и телепат? — спросила я.

— Едва ли, — ответил шлем. — С тренировками сила будет расти, но даже так, тебе никогда не удастся достигнуть даже минимального уровня мастерства.

— Я думала, что телепатов не существует, — сказала я. — Разве что Симург.

— Возможно здесь их не существует, но в моём мире они часто встречались.

Я уставилась на шлем, задаваясь вопросом, был ли встроен в него какой-нибудь сложный искусственный интеллект. Это было разумным объяснением; не то, что версия о том, что мой дед поместил собственную душу в шляпу.

Потому что говорящая шляпа это вообще-то тупо.

— Так чего ты хочешь? — спросила я. Я старалась, чтобы мой голос звучал небрежно, хотя меня просто распирало от вопросов. Мой отец многого не знал о мире, из которого пришла мама, а я хотела знать всё. Но из того немногого, что я слышала о дедушке, он не уважал слабостей.

— Быть проводником на твоём пути, — ответил шлем. — Чтобы быть уверенным в том, что этот мир не пойдёт по тому же пути, по которому прошёл мой.

— В этом мире мутантов не существует, — скептически заметила я. Из того, что говорил мой отец, дедушка был тем ещё экстремистом, успевшим претворить в жизнь все виды безумных планов.

— Один существует, — сказал шлем. — Я буду защищать тебя и направлять тебя.

— Ты шлем, — решительно отбила я. Я не понимала, какими способами шлем собирался меня защищать, кроме самого очевидного — быть шлемом. В конце концов, в этом мире телепатов не существовало, кроме разве что Симург, и насколько я знала, никаких других способностей у шлема не было.

Хотя этот анти-властелиновский эффект выглядел довольно интересно.

— У меня есть восемьдесят лет жизненного опыта, — сообщил шлем. — Я видел удивительное и ужасное настолько, что ты не сможешь себе представить... больше героев, чем видел этот мир. Я овладел науками, что выходят за предел человеческого понимания, и я могу помочь тебе создавать устройства, которые будут поражать и изумлять.

Я села. Он предлагал мне технарские устройства?

Технарство было одной из тех сил, которым я действительно завидовала. Они были способны создавать любые способности вместо того, чтобы учиться использовать одну-единственную разными способами.

Из того, что я слышала о своём дедушке, фактически он не был обычным технарём, которые создавали планы и чертежи устройств без реального понимания того, что они делают. Если его проекты можно воспроизводить, они могут оказать реальное влияние на этот мир.

— Например какие? — поинтересовалась я.

Мир нуждался в новых технологиях. Дело было не только в Губителях; мировая экономика принимала на себя удар за ударом, и требовались новые технологии для стимулирования дальнейшего развития и создания рабочих мест.

— Я открыл секрет создания жизни. Я даровал силы обычным людям, созданным генетическим контролем разума. Я создавал клонов, строил самолёты, космические корабли и космические станции. Я создавал роботов, компьютеры и мощные аннигиляторы.

Это звучало заманчиво. Отец считал, что роботы были крутыми, даже если он и волновался о том, что они отнимали рабочие места у людей. Способность наделять силами обычных людей могла значить, что мы могли иметь больше шансов против Губителей, и он мог даже создать оружие, которое могло повлиять на нынешнее устоявшееся положение вещей.

А ещё всё это было немного похоже на сделку с дьяволом. В конце концов, большую часть своей карьеры он был злодеем, в то время как я намеревалась стать героем. Всё, что он говорил мне, как будто намекало на то, что он намерен склонить меня на тёмную сторону.

Не пойду ли я на добровольное заклятие, если послушаюсь его?

Я бы получила силы и знания, но будет ли это стоить того, если я потеряю свою душу?

— Чего ты хочешь от меня? — спросила я.

— Надень меня, — ответил шлем. — И тогда я смогу показать тебе, что и как должно сделать.

— Ты, должно быть, принимаешь меня за идиотку, — резко отозвалась я. — Ты уже рассказал мне, что использовал шлем, чтобы сохранить свои воспоминания. Где гарантии того, что ты

просто не... не перепишешь мои воспоминания и не используешь меня в качестве нового тела, чтобы ты мог делать... что бы ты там ни пытался делать?

— Ты не доверяешь своей семье? — спросил меня шлем.

Я промолчала, изучая его пристальным взглядом. Он усмехнулся.

— Возможно, не все люди в этом мире идиоты. Я всё ещё могу направлять тебя, даже если ты не будешь меня надевать.

— Как? — спросила я.

От шлема отделилась небольшая часть. Недолго думая, я протянула руку и схватила её.

— До тех пор, пока эта частица касается твоей кожи, мы сможем общаться, — сказал шлем.

Если бы прикосновение к этому кусочку было опасно, шлем смог бы захватить меня за ту минуту, которую я уже держала его. Я посмотрела на кусочек в своей руке так, будто внезапно он оказался гремучей змейей.

— Как мне тебя называть? — поинтересовалась я.

— У меня было множество имён. Меня звали Максом и Эриком. Меня звали Магнето и мастером. Я не буду отзывать на деду, дедулю и любые другие ребячества. Я достоин того, чтобы проявлять ко мне уважение, и я гарантирую, что ты, как мой потомок, будешь в свою очередь также получать уважение, которого заслуживаешь.

Мне было интересно, сколько по его мнению заслуживала уважения его дочь не-мутант. В своём роде он был такой же расист, как и члены Империи 88; только вместо того, чтобы выбрать идеалом белых людей, он взял за идеал группу мутантов. Я действительно хочу, чтобы расист рассказывал мне, как быть героем?

К счастью, я уже всё для себя решила. Менять свою жизнь из-за решения, принятого в спешке, никогда не будет считаться хорошей идеей.

— Я подумаю об этом, — ответила я и зевнула. — В отличие от тебя, у меня всё ещё есть тело, и это тело нуждается во сне.

Я с сомнением посмотрела на осколок в своей руке. Часть меня хотела оставить его здесь, запереть сундук и больше никогда не открывать его снова. Однако это... это было последней ниточкой, связующей меня с мамой. Предположительно он мог рассказать мне истории о ней, о которых никогда не слышал даже мой отец.

В моей жизни образовалась пустота после того, как умерла мама. В некотором смысле я была почти такой же тенью самой себя, как и отец; разница заключалась в том, что я гораздо лучше него скрывала своё состояние.

Может быть, это в некотором роде окажется способом исцелить себя от чувства потери.

Ну, и не стоит забывать о роботах.

Если всё начнёт скатываться и скатываться к худшему и он начнёт убеждать меня в необходимости построить собственное логово с железным тронem, я всегда могу выбросить его в океан или в космос. Только у меня одной здесь были силы, и я ни за что не надену шлем на

голову, поэтому всё, что он может делать, это продолжать быть бесплотным голосом.

В конечном счёте, шлем был ресурсом, возможности которого я не имела права игнорировать. У него была возможность сделать из меня настоящего героя быстрее, чем я могла бы сделать это самостоятельно, что означало, что я смогу начать помогать городу гораздо быстрее.

Я закинула шлем обратно в сундук и снова его закрыла. И полетела обратно в свою комнату, не забыв выключить свет.

Я бросила восьмиугольный кусочек в сторону комода, оставляя его на как можно большем расстоянии от меня; я не собиралась хранить его под подушкой в то время, как сплю.

Когда я уже почти заснула, мне показалось, что шёпот начал звучать снова, и мои сны наполнились воображаемыми и гигантскими летающими роботами, которые убивали всех, кого я любила.

*****

Когда я вошла в холл Уинслоу, вокруг начались шепотки.

Всем было известно, что должно было со мной случиться, и никто из них не сделал ничего, чтобы предотвратить это. Некоторые одобряли подобные поступки. Другие боялись. Однако никто, по-видимому, не ожидал, что я буду вести себя так, будто ничего не случилось.

— Подними голову, внучка, — прошептал мне дедушка в ухо. Я не знала, как он узнал о том, что со мной произошло; возможно, существующая между нами телепатическая связь была глубже, чем я думала.

Возможно, спать с частью шлема в одной комнате было не самой лучшей идеей.

В любом случае, я могла различить гнев в тоне его голоса; была ли это злость на меня за то, что я не наказываю людей, которые посмели так поступить со мной, или он был зол на них за нападение и попытку унижения единственного мутанта планеты — этого я сказать не могла.

Казалось, он дал дельный совет, поэтому я вошла в школу с высоко поднятой головой. Игнорируя всех, я прошла мимо своего шкафчика, который, по-видимому, успели отмыть за ночь. Я всё ещё могла почувствовать, что от него идёт едкий запах чистящих средств, достаточно сильный для того, чтобы он успел обжечь мои глаза и нос, когда я проходила мимо него.

Я направлялась на первый урок только для того, чтобы оказаться остановленной в коридоре мистером Глэдди.

— Директор Блэквелл хочет вас видеть, — сообщил он.

Я хмуро на него посмотрела. Учитывая мой прошлый опыт взаимодействия с администрацией школы, я подозревала, что именно она собиралась мне сказать. Она попытается обвинить меня в том, что произошло, возможно, опираясь на показания Трио.

Повернувшись, я направилась в сторону директорского кабинета.

Злость, копившаяся внутри меня, была нездоровой. Я могла почувствовать, как по всему зданию грохочут двери шкафчиков, и мне пришлось специально себя успокаивать.

— Почему ты позволяешь этим низшим созданиям изводить тебя? — зашептал голос прямо в моих ушах. — У тебя есть сила, способная заставить их прекратить... всех их.

— Нападение на нормалов с применением сверхспособностей — хороший повод получить ордер на убийство, — пробормотала я себе под нос. — И ты, может, был достаточно силен в своё время, чтобы бороться со всем миром, а вот я не уверена, что хочу этого.

— Это произойдёт только если тебя поймают, — сказал голос. — Простой несчастный случай с тормозными колодками, и ты смогла бы найти в администрации такого человека, который будет готов следовать своим обязанностям и действительно защищать своих подопечных.

По словам отца, один раз дедушка посещал школу для мутантов, так что он знал о чём говорил. А ещё он говорил о преднамеренном убийстве директора Блэквелл. Самым пугающим было то, что я могла бы придумать полдюжины способов того, как сделать это и остаться вне подозрений.

В этом списке были неисправности в тормозах, конечно; но это слишком сильно напоминало то, как умерла моя мама, и даже если я была готова пойти на хладнокровное убийство, я бы не сделала этого. Слишком сильно было похоже на то, что произошло с мамой, и к тому же подвергало риску и других невинных людей на дороге.

Эта мысль словно вылила на меня ведро ледяной воды***; я ощущала, как холодок страха пробежался вниз по всему позвоночнику. Чувство злости мгновенно иссякло.

Я собиралась стать героем, а герои не убивали людей ради своего удобства.

— Ты сможешь защитить других, — прошептал голос.

— Я не буду этого делать, — снова пробормотала я ответ себе под нос. Я надеялась, что никто не заметит, что я делаю; моя репутация в школе была и так уже достаточно плохой, не хватало ещё, чтобы кто-нибудь увидел, как я разговариваю сама с собой. Эмма и другие отправили бы меня в психушку, а я не могла позволить отцу закончить день такими новостями.

— Тогда нам следует отыскать другой путь, — сказал голос таким тоном, будто жизнь или смерть одного человека имела для него значение не большее, чем судьба муравья, ползающего по земле.

Секретарь кинула на меня презрительный взгляд, когда я вошла в её офис. Одно время я слишком часто пыталась подать жалобу в администрацию школы, и она запомнила меня, как нарушительницу её спокойствия.

Степлер крайне ненадёжно стоял на краю её рабочего стола. Крохотное использование сил могло бы отправить его в полёт. Я подвинула его совсем немного до того момента, как он сам упал на пол, и услышала проклятия от секретарши и то, как она полезла под стол и, вылезая, ударилась о столешницу головой. Это было мелочно, но на мгновение я ощутила удовлетворение от такого использования своих сил.

Подойдя к двери в кабинет директора Блэквелл, я вежливо постучалась.

— Входите, — послышался приглушённый голос с той стороны.

Войдя внутрь, я сразу же напоролась на неодобрительный взгляд директрисы.

— Почему я здесь? — спросила я.

— Речь идёт об акте вандализма с твоим шкафчиком, — ответила она.

— Переходи в наступление, — прошептал голос. — Пока она направляет разговор, власть принадлежит ей.

Именно поэтому она сидела за большим столом и носила ту одежду, которую носила; всё это делало её более пугающей.

— Вы собираетесь обвинить меня в том, что на меня было совершено нападение? — спросила я.

— Мы здесь, чтобы поговорить о твоём акте вандализма над школьным имуществом, — заявила она. — Я понятия не имею, о чём ты говоришь.

— Вы знаете о том, что произошло, — холодно отбила я. — Вы действительно думаете, что никто не снимал происходящее? У всех есть мобильные телефоны. Как вы думаете, что произойдёт, если я обращусь к прессе с информацией о том, что Уинслоу активно поддерживает издевательства над студентами на своей территории?

Она уставилась на меня, несколько секунд проведя в молчании.

— Я уверена, что не существует никаких доказательств того, чего не происходило, — ровно произнесла она. — И шантаж является уголовно-наказуемым преступлением. У вас достаточно неприятностей и без этого.

— Ты могла бы убить её, используя скрепку со стола, — участливо подсказал мне шёпот в ушах. — Это совсем легко. Я могу подсказать тебе, как. Ты не должна терпеть такое от кого-то, вроде неё.

— Как существуют доказательства того, что это именно я испортила собственный шкафчик? — я вопросительно подняла одну бровь. — Вы знаете, как много существует юристов, которые согласятся работать за долю от суммы иска****? Как думаете, что они сделают, если обнаружат умышленное и злонамеренное пренебрежение правами своих клиентов?

Голос снова зашептал мне на ухо, и я оживилась.

— Иногда выигрыш означает поражение, — прокомментировал голос. — Если победа будет стоить слишком многих ресурсов.

Наклонившись вперёд, я добавила:

— И даже если мы проиграем, сколько вам придётся заплатить за то, чтобы доказать свою правоту? Что станет с вашей репутацией в глазах вашего руководства?

Она нахмурилась, после чего раздражённо помахала в мою сторону.

— Возвращайся в класс.

Заставить её выдвинуть обвинения против Эммы, Софии и Мэдисон было нереально, по крайней мере до тех пор, пока у меня не будет фактических доказательств и материала для шантажа. Я знала, что эта тройка уже, наверное, убедилась в том, что никто ничего не снимал; они были хороши в таких делах и всегда были защищены с этой стороны.

— Мне нужны новые экземпляры учебников, — сказала я. — Едва ли будет справедливым заставить меня заплатить за них снова, не тогда, когда этот акт вандализма был явно совершён неизвестными лицами.

Хмурясь, она настрочила записку и дала мне отгул, даже не спрашивая, был ли он мне нужен.

У меня был соблазн на прощание высказать что-нибудь хлёсткое и резкое, но голос вовремя остановил меня.

— Одержав победу, будь великодушна, дитя, — в его голосе почти что ощущалось веселье.
— Насмешка над побеждённым только приводит к желанию расплаты в будущем. Даже мышь способна ранить льва, когда придёт её время.

Я была мышью или львом? Я не всегда понимала его метафоры, видимо потому, что он был старым. Он рос во времена Второй мировой войны, а у меня сложилось впечатление, что мир, из которого пришла мама, располагался по временной шкале дальше, чем мой собственный. С учётом всех подозрений и его слов, я была уверена, что он был из будущего.

Вместо того, чтобы сделать колкое замечание, я просто забрала бумаги из рук директора и посмотрела на неё прямым взглядом, не опуская головы вниз.

Секретарша всё ещё потирала голову, из-за чего я ощутила мрачное чувство удовлетворения.

Две победы за один день, пусть и маленькие, были редкостью для меня. Конечно это означало, что оставшаяся часть дня, вероятно, будет менее удачливой, но я дорожила этим чувством, независимо от того, когда в следующий раз смогу одержать победу.

— Пессимизм это признак слабых, — зашептал голос. — Сильные сами создают своё будущее, даже если это означает подчинить судьбу своей воле.

— Вижу, ты никогда не ходил в школу, — пробормотала я себе под нос.

В это время коридоры были пустыми, поэтому я могла идти куда пожелаю, не сталкиваясь с людьми. Меня укололо острое желание убраться из этого места****; сегодня я уже одержала победу, так зачем портить это ощущение тем, что за ним последует?

— Если ты не подчинишь свои страхи, они подчинят тебя.

— Ты что, печенье судьбы*****? — огрызнулась я.

— Думай об этом, как о своём первом шаге на пути к победе. Эти люди заставили тебя поверить в то, что они львы, в то время как они являются всего лишь муравьями. Если тебе не хватает мужества противостоять им, что будет с твоей волей, когда ты столкнёшься с настоящим, сильным злодеем?

Он был прав.

В конце концов, мне придётся взглянуть в глаза своим демонам, потому что постоянно прятаться от них становилось всё сложнее и сложнее. Я не могла позволить себе быть слабой, не тогда, когда я начала свою карьеру героя. Мне придётся научиться противостоять им, иначе это будет полный провал.

Возможно, суперзлодей, нашёптывающий мне в уши, был не самым страшным злом в этом

мире.

---

*gelded me intellectually скорее можно перевести как «кастрировали меня интеллектуально», но бог ты мой. Переводчик против того, чтобы магнето так разговаривал. Поэтому в этом месте перевод не совсем точный, но близкий по смыслу

**в оригинале «From what I'd heard my grandfather hadn't been an actual tinker, offered plans and designs without actually understanding what he was building».

***В оригинале «The thought was like a splash of cold water», что более точно можно перевести как «эта мысль была как брызги холодной воды».

****В оригинале «a lot of lawyers out there who will work for a cut of whatever lawsuit winnings they get». Особая благодарность читателю vermilionjack, который предложил свой вариант перевода, в тексте использован его вариант, немного изменённый)

*****В оригинале «I felt a sudden impulse to simply leave», что дословно можно перевести как «я ощутила внезапный толчок (к тому, чтобы) уйти».

*****имеются в виду печеньки с записочками внутри, которые предсказывают будущее.

Погодать себе на печеньке можно тут:

http://taro.org.ua/другие_гадания/печенье_предсказание.html

а также краткая справка:

Brute - Бугай, физическая сила, устойчивость к урону, регенерация и т. д.

Blaster - стрелок, атаки дальнего действия.

Shaker - Эпицентр, изменение окружающей реальности.

Master - Властелин, создание и / или взятие под контроль существ.

Симург (англ. Simurgh) - одна из трёх Губителей, последняя явившаяся в мире Земли Бет.

Слева-направо - Бегемот, Левиафан, Симург

<https://vignette.wikia.nocookie.net/worm/images/6/6c/0OrGtKc.jpg/revision/latest?cb=20180821190251&path-prefix=ru>

<http://tl.rulate.ru/book/31885/687943>